

население целого города, сотни тысяч мужчин, женщин и детей, вышедших на улицу. Только они могут победить, только они *побеждали* войска, лишая их бодрости духа, парализуя их дикую силу.

5 октября в Париже действительно началось подготавливавшееся восстание при криках: «Хлеба! Хлеба!» Одна молодая девушка забила в барабан, и это послужило призывным сигналом для женщин. Скоро их собралась целая толпа, которая двинулась к городской ратуше. Здесь женщины выломали двери и требовали хлеба и оружия. А так как о походе на Версаль говорилось уже несколько дней, то крик: «В Версаль!» - скоро стал общим лозунгом. Предводителем своего отряда женщины избрали Майяра, прославившегося в Париже после 14 июля благодаря своему участию во взятии Бастилии. Под его руководством двинулись в путь.

Тысячи разных мыслей, несомненно, роились в то время в их головах; но господствующей мыслью была, вероятно, мысль о хлебе. В Версале, думали они, готовятся заговоры против народного блага; там заключили «голодный договор», там мешают уничтожению феодальных прав, которые доводят народ до голода, и женщины шли на Версаль. Можно почти наверное сказать, что в глазах массы парижан король, как все короли, представлялся добродушным существом, желающим добра народу. Обаяние королевской власти еще коренилось в умах. Но королеву уже тогда ненавидели. О ней рассказывали самые ужасные вещи. «Где эта негодница?» - «Вот она...! Нужно схватить эту... и свернуть ей шею», - говорили женщины, и можно удивляться тому, с какой готовностью, с каким, можно сказать, удовольствием уголовный суд Шателе повторил потом все эти слова в одной из своих бумаг, когда назначено было следствие о бунте 5 октября.

Народ и тут в общем был совершенно прав. Если король, узнав о неудаче, которую потерпело королевское заседание 23 июня, сказал в конце концов: «Черт с ними, пусть остаются!», - то Мария-Антуанета приняла эту неудачу за личное оскорбление. Она встретила с величайшим презрением «короля-разночинца», когда он вернулся с трехцветной кокардой на шляпе после посещения Парижа 17 июля, и с тех пор королева была центром всех придворных заговоров. С этих пор уже было заложено начало той переписке, которую она вела впоследствии со шведским бароном Ферзеном с целью привести иностранные войска в Париж¹. И в ту самую ночь 5 октября, когда женщины наводнили дворец, королева, по свидетельству даже такой реакционерки, как мадам Кампан, принимала Ферзена у себя в спальне.

Народ знал все это отчасти от самой дворцовой прислуги; и ум толпы - коллективный ум парижского народа понял то, что с таким трудом понимали отдельные личности из образованных классов. Он понял, что Мария-Антуанета зайдет далеко в своей вражде к народу и что единственное средство предотвратить придворные заговоры - это держать короля и его семью, а также и Собрание в самом Париже под контролем народа.

В первые моменты своего вступления в Версаль женщины, измученные усталостью и голодом, измокшие под проливным дождем, требовали только хлеба. Когда они ворвались в Собрание, то попадали в изнеможении на скамьи депутатов; но самое их присутствие в этом месте было уже победой. И Собрание немедленно воспользовалось этой победой, чтобы получить от короля утверждение Декларации прав человека.

Вслед за женщинами в путь тронулись и мужчины. Тогда во избежание какого-нибудь несчастья во дворце Лафайет в семь часов вечера двинулся в Версаль во главе буржуазной национальной гвардии.

Ужас охватил двор. Весь Париж, стало быть, идет походом на дворец? Немедленно был созван совет, но опять-таки он не пришел ни к какому решению. Между тем из сарая были уже поданы экипажи, чтобы король и его семья могли убежать; но отряд национальной гвардии заметил эти экипажи и велел убрать их назад.

Прибытие национальной гвардии, старания Лафайета, а в особенности, может быть, проливной дождь заставили разойтись толпу, наполнявшую улицы Версалья, залу Собрания и окрестности дворца. Но около пяти или шести часов утра кучка мужчин и женщин из народа, не слушая ничьих советов, разыскала какую-то незапертую дверь, ведущую во дворец, и ворвалась туда. В несколько минут толпа была уже в спальне королевы, едва успевшей убежать к королю, иначе ее могли растерзать. Та же участь могла постигнуть и телохранителей, если бы Лафайет не прискакал вовремя им на помощь.

Вторжение народа во дворец нанесло королевской власти такой удар, от которого она уже не

¹ Эта переписка теперь издана.